

Илья Рясной

Госпитальер

и

Призраки

Льда - 2

16+

Илья Владимирович Рясной

Госпитальер и Призраки Льда 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60671666

SelfPub; 2020

Аннотация

Последний рыцарь Ордена Госпитальеров и его друг – разведчик Федерации Московия, встали на пути мистической организации, пытающейся взять контроль над обитаемыми мирами.

Дышать надо спокойнее, тише. И предпочтительно не шевелиться.

Не шевелиться – это труднее всего. Хорошо еще, что специализированный маскировочный костюм «Охотник-5» предусмотрен как раз на такие случаи жизни, и не забывает наблюдать за организмом, массировать тело и восстанавливать кровообращение.

Ожидание тянулось уже вторые сутки. Если разобраться, это не так и много. Другим приходилось валяться бревном и по неделе.

Неделю, конечно, Сомов не выдержит. Неделя – это очень долго. Это очень нудно. Это очень тягостно. Для такого подвига требуется колоссальное терпение, а оно и так уже начинает предательски истощаться. Но госпитальер чувствовал – вот-вот свершится! Еще чуть-чуть... Ничто не намекало на скорый успех, но предчувствиям с некоторого времени он верил.

Маскировка «Охотника-5» делала человека неотличимым от желто-зеленых зарослей кустов, которыми густо порос холмистый бережок. Мясистые, полосатые листья касались темно-синей, пузырящейся болотной жижи. Сами Дарьялские болота уходили вдаль, к взгромоздившимся на горизонт горам Аль-Каир.

У Сомова начала затекать нога, биодиагност комбеза уловил непорядок, и кожу закололи тысячи иголок. Осторожно,

боясь лишнего шума, госпитальер пошевелился и сменил позу. Вытянул ноги. Перевел дыхание. Скосил глаза на часы.

Минуты текли медленно, но госпитальер научился ладить со временем. Оно перестало тяготить его.

Тишина стояла какая-то оглушающая, исключительная даже для Дарьялских болот. Казалось, мир плотно обернут ватой, которая гасит все звуки. Даже синяя поверхность болота пузырилась беззвучно. Не было ни дуновения ветерка, ни шороха листьев, ни мягкой поступи зверя. И пузыри какие-то неправильные, не лопающиеся с терском, как положено, а неторопливо тающие в воздухе.

Ватная тишина. Ее нарушали лишь слабые звуки дыхания и биения сердца. То, что надо!

Время близилось к полудню, а температура подползла к тридцати восьми градусам. Однако госпитальера жара не трогала несколько, климатконтроль маскировочного костюма поддерживал для своего хозяина идеальный тепловой режим.

– Ку-а-а-а, – пронесся протяжный вопль. Это не болотные лягушки. Это два малазийских ворона, неторопливо круживших в голубовато-зеленом небе. Они походили на помесь птеродактиля с бараном – чудовища с трехметровым размахом крыльев, покрытые черной курчавой шерстью. Опасности они не представляли никакой. Опасны были земляные химеры, но их здесь не видели уже лет пять, они мигрировали далеко на юг.

Будто убоявшись своей дерзости, вороны замолкли и устремились прочь...

Госпитальер немножко сдвинулся вправо и погладил гладкий металл своего оружия. У него продолжала крепнуть ничем не обоснованная уверенность, что сегодня оно понадобится.

Он вздохнул поглубже. И тут вдруг в мозгу как-то жестяно прозвучало: «Сейчас!»

Да, это должно было произойти именно сейчас.

Внутри существа госпиталяера стало как-то пусто и гулко. И забарабанившее сердце звучало отчаянно и глухо.

Секунды растянулись. Одна... Другая... Третья...

И вот свершилось долгожданное!

Синяя масса болота в полусотне метрах от спрятавшегося наблюдателя вздыбилась – все так же беззвучно, но угрожающе. Будто в глубине заворочался, просыпаясь, дремавший тысячелетия заколдованный титан.

По поверхности пошли пузыри, они становились все больше и больше, все так же беззвучно растворяясь в воздухе.

Неожиданно все затихло, улеглось. На несколько секунд...

А потом поднялся куполом, стал раздуваться, расплзаться огромный черный пузырь.

Вот оно!

Безумное ликование охватило госпиталяера. Он дождался! И ждать пришлось недолго – чуть больше суток. Нович-

кам везет! Теперь нужно действовать мягко и аккуратно, чтобы все не испортить в самый сладостный миг...

Черный пузырь раздулся до размеров пассажирского грибуса. И лопнул с резким громким хлопком, который показался взрывом гранаты.

По синей поверхности пошли волны, вырвалось из болотного плена, взметнулось искрящейся горстью золотых и серебряных монет переливающееся тело. Из пучины возник сказочное, похожее на древнего китайского дракона существо. Его голова была украшена непропорционально большим гребнем, постоянно меняющим форму. Огромные, умные, на выкате глаза оглядывались настороженно. Это был аль-каирский пузырчатый змей, одно из самых прекрасных существ Галактики.

Он повел из стороны в сторону головой, пытаясь понять, не нарушит ли что-то его драгоценный покой. И изящно заскользил, то утопая, то вновь поднимаясь из болота.

Голова у Сомова шла кругом, восторг овладел им и не собирался отпускать еще долго. Это был звездный час!

Оружие активировалось. И давно уже захватило цель...

СТ-фиксатор улавливал каждое движение сказочного зверя. Сомова пьянила мысль, с какими лицами будут просматривать в клубе «Дракон» эту запись.

В этом самом клубе было еще полсотни таких же сумасшедших, которые были готовы сутками пролеживать в зарослях у болота и ждать со стерофиксатором того мига, когда

осторожный, боящийся малейшего шороха пузырчатый змей соизволит предстать перед человеческими глазами. Госпитальер пристрастился к этому занятию три года назад. И за это время превратился в настоящего фанатика такого времяпровождения.

Миг встречи с таинственным и прекрасным созданием сторицей вознаграждал за все тяготы охотничьей жизни. Потом будет обсуждение сделанной стереозаписи. И Марко Холлинг съест свою вызывающую шляпу. Он уже полгода доставал всех, заставляя восхищаться записью – на ней, снятые с расстояния в полкилометра, мелькала спина и часть гребня змея. А тут змей рядом – рукой подать. И его можно со вкусом рассматривать во всех подробностях. Такой отличной записи давно не делали. Теперь главное не спугнуть его. Не дышать, не шевелиться. Только легкими нажатиями на сенсоры корректировать запись.

Змей сделал круг, гордо подняв голову, и начал выползать на поднимающийся из болота огромный гранитный булыжник с плоским верхом, вознамерившись, видимо, погреться на солнышке. Замер на миг, к чему-то прислушиваясь.

«Ну же!» – мысленно подбадривал его Сомов.

Змей заскреб костистой лапой о гранит, оставляя на нем глубокие царапины, подумал, рассудил, прикинул, и все-таки полез на гранитную глыбу.

Восхитительно. Сомов предвкушал, какая будет запись! Какой будет ажиотаж! И завистливые взгляды – они не греют

госпитальера, но прибавляют чувства гордости!

Теперь тише. Не шуметь. Не дышать. Не моргать...

Дз-з-з-з-з....

Как комар зазвенел.

Пузырчатый змей настороженно повел головой направо, внимательно огляделся. Гребень его растопырился и приобрел насыщенный синий цвет с золотыми проблесками.

Дз-дз-з, – звук нарастал.

Змей недовольно фыркнул, продолжая озираться.

Дз-з-з...

Такого неуважения змей стерпеть не мог. Гребень его стал ярко-фиолетовым, а потом изменил резко форму и превратился в нечто, напоминающее шапку-ушанку. Чешуйчатое переливающееся тело молниеносно сорвалось с камня, изящно изогнулось и ушло на глубину.

– Вот ведь... – не веря своим глазам выдавил растерянно госпитальер. На глаза наворачивались слезы. И было страшно обидно.

Все, можно больше не таиться. Встревоженный пузырьчатый змей теперь не покажется две недели, а то и больше. Точка спалена.

Госпитальер встал, выпрямился во весь рост, огляделся и окрест и увидел источник мерзкого комариного писка... Эх, сейчас бы разрядник, да рубануть со всей дури по этой железяке!

Впрочем, обычный разрядник не поможет. Глайдер был

боевой, со скользящей броней и вязким силовым полем защиты. Белый, как снег, с плавными обводами, на боку эмблема пограничного контроля – медведь с ружьем. И черта пограничникам сдались эти болота?!

Резко сбросив скорость и высоту, глайдер сделал дугу. Сомнений не оставалось. Пограничники ищут именно госпитальера.

Глайдер завис неподвижно на высоте десятка метров, потом плавно спланировал, качнулся на выдвинувшихся из корпуса посадочных опорах. Трава вокруг опор покрылась инеем.

Сомов с яростью наблюдал за этими маневрами.

Бок глайдера разошелся. И из салона на землю пружинящее спрыгнул человек в легкомысленном туристском костюме с искрящимися фривольными голограммами. Такую одежду таскать было не совсем прилично, но что взять с ее обладателя.

– Филатов! – истошно заорал госпитальер. Это был именно полковник разведки собственной персоной. Ну конечно, кто еще мог разрушить умиротворение и плавное течение его жизни?! – Чтоб ты провалился!

– Это вместо здрасьте? – удивился разведчик, приближаясь к своему другу.

– Ты чего сделал?! Ты хоть понимаешь, что ты сделал?!

– И чего? – озадачился Филатов.

– Ты спугнул его! Теперь он не появится здесь еще месяц!

– Кто? Та жаба в панамке?

Сомов аж задохнулся от возмущения. Назвать великолепного пузырчатого змея жабой, а его роскошный гребень панамкой!

– Ты враг, Филатов! Ты теперь мой кровный враг! Ты выбрал самый худший момент! У тебя талант выбирать такие моменты!

– Не кипятись, доктор, – хищно улыбнулся разведчик.

Тут к Сомову, наконец, тактично постучалась способность рассуждать здраво. И он ее впустил. И более-менее сдержанно осведомился:

– Ты за мной?

– Нет, за тем червяком, – хмыкнул Филатов. – За тобой, друг мой. За тобой. Пришлось отмахать пятнадцать светолет и добраться до этой дыры.

– Бог мой, ты не можешь оставить меня хоть ненадолго в покое?!

– В покое?... А я думал, тебя заинтересует, что опять появились «замороженные»...

Сомов с тоской оглянулся на болото. Ему вдруг захотелось нырнуть вслед за пузырчатым змеем и не выныривать.

– Поехали, – вздохнул он и, сложив СТ-фиксатор, направился к глайдеру.

– Неслыханно, – шептал руководитель испытательного центра Космофлота адмирал Белидзе.

Он заимел все шансы загреметь в реаниматор с сердечным приступом, когда передавал посторонним лицам свое любимое детище, которое, можно сказать, нянчил на руках, с которого сдувал пылинки – экспериментальный боевой корабль «Гамаюн». Большой иезуитской подлости столичные штабные крысы придумать для него не смогли бы при всем желании.

У адмирала было лицо человека, которого заставляют ходить на голове, и при этом еще пинают ногами. Когда он напоследок инструктировал двоих самозванцев, как управляться с любимцем, в его глазах застыло страдание. Но против приказа Генерального штаба военно-космических сил не попрешь. А приказ был однозначен, обсуждению и обжалованию не подлежал – отдать корабль попугаю, разодетому, как типичный арizonский «балдежник», и тюфяку, у которого на лице написано освобождение от военной службы.

– Тут умный компьютер, – напутствовал адмирал. – Но это не значит, что он будет слушаться людей, имеющих отдаленное представление о космонавигации.

– Мы имеем представление, – успокаивал его Филатов. – А чего не знаем, тому по дороге научимся.

– Научимся! – всплеснул руками Беридзе. – Лучшие испытатели Федерации обкатывали его. И больше никто. А вы – поучимся! Это единственный рабочий борт. И если...

– Мы все знаем, – обрезал Филатов.

Пока имелся единственный экземпляр малых боевых кораблей этой серии. Его еще не довели до ума – испытания входили в конечную стадию. Космофлот намеревался в будущем использовать их как разведчики, истребители-прыгуны, эвакуаторы. В общем то это был новый этап в кораблестроении. Силовая установка позволяла быстрее входить в надпространственный режим. И скорость была раза в два выше, чем у самых скоростных судов. За это приходилось расплачиваться теснотой. Все свободное место занято силовыми установками, разными системами вооружения. Со временем эти корабли оснастят самыми совершенными устройствами маскировки, и они превратятся в грозную силу.

– Нам пора включать в штат испытателей космотехники, – узнав, на чем им придется лететь, сказал госпитальер еще в пограничном глайдере, летящем над болотами,

– Экспериментальный корабль нам дают не от хорошей жизни, – поморщился Филатов. – Точка кризиса находится на Фениксе.

– Это где?

– Сектор восемь-Б. Самая окраина Звездной Ойкумены. Обычный рейдер будет тащиться туда непозволительно долго. Вот и пошли на такой шаг.

– Отлично. Мы уже испытали «космическую лошадь». Теперь этот «Гамаюн». Только мы – не испытатели, Сережа. Мы мыши лабораторные.

– Не занудствуй, доктор. Главное, что весело.

– Обхохочешься, – мрачно произнес Сомов.

Им повезло, что единственный рабочий экземпляр «Гамаюна» находился на станции «Поиск» испытательного центра корпорации «Большая верфь». Сам центр располагался на Луне-два, вращающейся вокруг Тайны, той самой планеты, где госпитальер расслаблялся, валяясь в зарослях и выслеживая пугливого пузырчатого змея. Станция «Поиск» висела на геостационарной орбите Тайны.

Двое суток на базе ушло на то, чтобы подготовить корабль к полету, а его нежданный и незванный экипаж обучить навыкам управления, которое, впрочем, не отличалось сильно от управления обычными боевыми кораблями – тут опыт у Филатова был большой.

За день перед отлетом Филатов в самое сердце поразил своего друга неожиданным сюрпризом. В сопровождении адмирала друзья проследовали в помещение высокой защиты в самой сердцевине комплекса – эта капсула могла выдержать плазменный удар корабельных орудий. В таких местах хранились предметы, которые ни в коем случае не должны достаться противнику.

Филатов открыл контейнер, напоминавший черную коробку балаганного фокусника. И вытащил наружу хранящийся там предмет.

У госпитальера екнуло сердце. В ящике лежала раковина. На вид самая обычная... Для тех, кто не любит смотреть в

суть вещей.

Госпитальер протянул руку, коснулся раковины и ощутил, что от нее исходит тепло...

Та самая раковина, которую нашли они с Филатовым и которая позже была конфискована учеными. Артефакт приоров – таинственной сверхцивилизации, следы которой обнаруживаются по всей Галактике. До сих пор непонятно, какую физику они использовали, но их предметы, совершенно неказистые с виду, действовали потрясающим образом. С помощью этой раковины ему удалось поставить на ноги безнадежных больных.

– В Петербурге считают, что риск оправдан.

– Нам разрешили взять с собой артефакт? – удивился Сомов. Эта штука стоила не меньше, чем флотилия кораблей.

– Да. Слова об ответственности, которая на нас легла...

– Излишни.

– Тогда бери...

Настал момент прощания со станцией. Адмирал лично проводил в стартовый ангар. И теперь они стояли на шершавой поверхности трапа-пузыря, присосавшегося к чернильно-черному боку экспериментального корабля. Раскрылся люк, приглашая экипаж занять положенные по расписанию места.

– Берегите малыша, – вздохнул Беридзе, глядя пальцами упругую броню корабля.

– Куда же мы денемся, – произнес Филатов.

«Гамаюн» по виду напоминал классическую сигару с утолщением рубки и наростами эфирогенераторов и стабилизаторов, которые имели несколько непривычные формы. Впрочем, текущая броня могла легко менять форму в зависимости от задач.

– Ни пуха, – оторвавшись от любимца, произнес адмирал.

– К черту, – кивнул Филатов и шагнул в проем.

Госпитальер последовал за ним.

Люк зарос, будто и не было. Трап пузырь сдулся. Адмирал резко обернулся и, не оглядываясь, покинул стартовый ангар.

Кабина была удручающе тесной. В проходы едва можно было протиснуться человеку обширной комплекции в скафе. И вообще все в малом боевом корабле класса «Гамаюн» было сжато, компактно, с минимумом удобств.

Обычные спейсеры подразумевают наличие хоть какого-то простора. В них можно дышать свободно. Экипаж экспериментального «Гамаюна» решили не баловать. Здесь все было подчинено стремительности боевой мощи.

Двое людей, которые составляли экипаж экспериментального корабля в его первом боевом вылете погрузились в кресла-трансформеры, которые с легким шелестом приняли наиболее удобную форму. Филатов надел золотой, с бегающей синей искрой, контактный обруч управления и привычно влился в информационные потоки компа корабля.

– Стартовая готовность, – сообщил оперативный дежур-

ный станции.

– Принято.

– Отсчет пошел...

Створки ангара расползлись в стороны, впуская вакуум.

– Старт.

«Гамаюн» легко заскользил по стартовой дуге и вырвался на свободу, как застоявшийся конь, готовый припустить во весь галоп.

Сзади осталась похожая на гигантскую мусорную свалку, вся из хаотичных конструкций, эстакад, улиток силовых установок и сеток гиперсвязи станция «Поиск».

Корабль непривычно быстро вышел на разгонный вектор к точке перехода. Разгон систем перехода тоже был слишком стремителен. И вот уже «Гамаюн» нырнул в надпространство. Экраны внешнего обзора засветились насыщенным синим светом. Эта синева будет сопровождать корабль, пока тот не вернется в нормальное пространство и не станет частью реальной Вселенной, а не этого то ли физического, то ли магического, то ли виртуального образования, именуемого надпространством. Ни один физик так до сих пор и не объяснил внятно, что такое надпространство, что не мешало человечеству активно использовать его.

– Хороша штучка, – с удовлетворением воскликнул разведчик. Он, знавший толк в космотехнике, понимал адмирала Беридзе, расстававшегося с «Гамаюном» как с любимым ребенком. И Филатов был сейчас счастлив, что такая маши-

на находится в его руках.

Сомова одолела какая-то томная и тревожная лень. Самым острым чувством, принимавшимся время от времени точить его, как мышь точит дерево в избе, была обида из-за того, что ему не дали заснять во всех ракурсах пузырячатого змея. Хотя в целом съемка получилось неплохой, но если бы не чертов глайдер, она была бы просто уникальна. От этого хотелось выть. И бесила мысль, что Марк Холинг теперь не станет есть свою шляпу, а разродится едкими комментариями по поводу незадачливого охотника, который умудрился спугнуть добычу. Да, спугнуть выбравшегося из тины змея считалось позором. Это сразу сводило на нет все очки. И поди потом, объясняй, как ты не виноват в том, что черти принесли именно в этот миг Филатова, и что угораздило кого-то «замерзнуть» на далекой, Богом забытой планете.

Филатов, которому госпитальер проел всю плешь своими обидами, наконец, раскаялся в своем безобразном поступке.

– Если бы я знал, доктор, – с некоторой долей ехидства заявил он. – Я бы подождал. И «замерзшие» тоже подождут. Им то что...

После таких слов госпитальера мимолетно колола совесть. Как истинный гуманист, потомок рыцарей госпитальеров и представитель гуманной профессии он должен был волно-

ваться и думать исключительно о судьбах несчастных, «замерзших» на Фениксе. Но почему-то именно эти мысли старались избегать его сознания. Наверное, слишком много он пережег эмоций на Синей Долине.

Страх перед предстоящим мероприятием у госпитальера не было. Прошли те времена, когда его тонкая душевная организация трепетала под напором жизненных трудностей. Ему удалось вырваться живым из стольких смертельно опасных ситуаций, что он невольно научился бережно расходовать свой страх, и тот пробуждался только при наличии непосредственной угрозы. Расходовать страх на ожидание страшных событий крайне непрактично. Правда, порой накатывала какая-то холодная и громадная, как айсберг, жуть, когда он в очередной раз пережевывал идею о том, что Ледяной Король добрался до Феникса и сейчас набирает там силу.

Феникс – какой шутник умудрился дать такое гордое название такой пыльной дыре на самых задворках Галактики?

Госпитальер в тесной каюте – у него на квартире в Санкт-Петербурге шкафы в несколько раз больше, – просматривал скудные материалы, которые добыла по чрезвычайной ситуации на Фениксе Министерство внешней информации.

Итак, эту планету открыла пятнадцать лет назад поисковая экспедиция Эскадры Экспансии, которая занимается поиском пригодных для заселения миров и из века в век неуклонно расширяет владения Московии. Видимо, капитан корабля «Крузенштерн» начитался вечером сказок утром

назвал скучную, банальную планету Фениксом.

Единственный огромный континент имеет три горных гряды, остальное – равнина. Биосфера земного типа, правда, довольно скудная и скучная. Унылые степи поросли низкой травой, на бескрайних просторах на животных, напоминающих антилоп, охотятся хищники, похожие на больших пятнистых котов.

Воздух пригоден для дыхания, опасных микробов нет, так что можно даже без терраформирования хоть завтра заселять поверхность. Только кому оно надо? Недостатка в жизненном пространстве Московия не испытывала. А Феникс располагался слишком далеко, транспортные расходы на колонизацию влетели бы в копеечку.

Планету занесли в реестр, официально зарегистрировали как владения Московии и бросили, оставив там надпространственный маяк.

Одиннадцать лет этот мир никого не интересовал. Но вот однажды отчет об исследовании планеты попался на глаза какому-то дотошному физика. Тут и началось!

Госпитальер не слишком разбирался в эфиродинамике и нелинейных, а так же непериодических процессах, но там ученые головы узрели такое, что не желало укладываться в общепринятые парадигмы. Нестандартное смещение и соотношение каких-то констант, постоянных. Для физиков это было ниспровержение основ, а госпитальеру вообще ничего не говорило, поэтому не стал копать в глубь и загружать себя

лишней информацией.

Разразилась буря в стакане воды. Институт нелинейных проблем умудрился выбить необходимое финансирование, что неудивительно, учитывая кумулятивную пробивную способность его директора академика Борислава. И на Фениксе начала функционировать лаборатория института.

В текущем году количество ее сотрудников достигло тысячи. Большая их часть проживала в местечке, которое кто-то то ли в шутку, то ли всерьез назвали городом Просторным. Остальные люди были разбросаны по планете на пунктах наблюдения, а так же болтались на орбитальной станции.

Нелинейщики работали с энтузиазмом. В прошлом месяце вышел в свет уже третий официальный информблок института, посвященный работе лаборатории. Специалисты намекали на неминуемые и близкие подвижки в единой теории эфиродинамики. Но все это носило настолько узкоспециальный характер, что кроме специалистов никто об этой лаборатории не знал и знать не хотел, хотя деятельность ее и не секретилась.

Однажды грянул гром среди ясного неба. Из десяти человек на южном полярном пункте наблюдения замерзло восемь. Когда прилетел спасательный глайдер, оставшиеся двое тоже «замерзли».

После этого началась обвальная эпидемия.

Когда был послан древний сигнал СОС, «замерзло» две трети населения планеты.

На этот раз «замерзание» не сопровождалась отказами сложных технических систем. Во всяком случае, так было, когда уцелевшие посылали сигнал.

К Фениксу направлена эскадра Военно-космических сил. «Гамаюн» обгонит ее на несколько недель и проведет предварительную разведку. Если там образовалась антитехногенная сфера, то на «Гамаюне» прорваться на твердь не удастся. Придется повторять фокус с «Космической лошадью» – такая машина имеется в эскадре. От мысли о повторении спуска на этой полуживой машине этом к горлу подкатывала тошнота. Госпитальер отлично помнил, что в прошлый раз они приземлились чудом. Но, если иного выхода не будет, никуда не денешься – придется повторять этот номер на бис.

Вот так выглядел предварительный расклад.

О причинах катаклизма можно было только гадать, но это занятие без сколько-нибудь значимой информации бесполезное. Однако, пока корабль ломал надпространство, госпитальер частенько занимался построением теорий и версий происходящего. Это позволяло скоротать неторопливо текущее на борту время.

Дни проходили за днями. Недели за неделями. В тесноте корабля скука полета воспринималась особенно тягостно. Но вот настал долгожданный момент, когда «Гамаюн» должен был вывалиться в нормальное пространство. По правилам переела экипаж располагался на положенных по расчету местах, то есть в рубке. По экранам пошла рябь. Голубизна

позеленела. А потом обрушилась чернота и замигали далекие звезды.

Напрасно печалился адмирал Беридзе. Филатов был неплохим пилотом. И вывел он корабль прямо около Феникса.

Справа возник голубой шар, похожий на Землю. Его украшали ожерелья облаков. Таращился в космос глаз расплзающегося циклона.

– Вышли в нормальное пространство. Точность – ноль восемьдесят девять. Поздравляю, капитан, – произнес компьютер. – Сделано мастерски.

– Спасибо на добром слове, комп, – кивнул Филатов, не открывая глаза. Он утопал в капитанском кресле, на его голове светился контактный обруч.

Системы корабля выполняли обыденную при выныривании работу – прощупывали излучения, эфирные волны, техногенную активность.

– Связь со станцией, – приказал Филатов.

– Орбитальная станция «Крыло» не отвечает, – произнес комп. – Хотя обнаружена на стандарторбите, отклонений нет.

– Повторять попытки, – велел Филатов. – Курс на сближение со станцией.

Через полчаса на экране возникла светлая точка, которую комп очертил красным кружком. Это и была орбитальная станция «Крыло» с тридцатью душами.

Она постепенно увеличивалась в размерах. Госпитальер приказал увеличить изображение, кусок экрана справа от него изменился, на нем выростала станция. Она представляла из себя с десятков цилиндров, бессистемно соединенных, очерченных как магическим кругом кольцом эфирного энергоаккумулятора.

– Великовата станция для такой дыры, – заметил госпитальер.

– Средств не жалели, – произнес Филатов, приоткрыв глаза. – Нелинейщики сумели убедить руководство Федерации, что тут куется наука будущего. Станция составлена под грядущее расширение базы. Кроме того она забита научной аппаратурой. Есть и слабенький оборонный комплекс.

– Черт, почему они не отвечают, – забеспокоился госпитальер.

– Техноактивность на станции стандарт, – уведомил комп. – Признаков нештатной ситуации не выявлено.

– Значит, аппаратура работает. Может, там все «замерзло»? – произнес госпитальер, и от этой догадки стало не по себе.

– Почему станция не отвечает на оповещение, – буркнул недовольно Филатов.

И тут послышался звонкий встревоженный голос:

– Станция вызывает корабль.

– Что у вас с идентификацией?

– В пространстве вокруг планеты творится чертовщина. У

нас накрылся бортовой комп со всеми кодами. Только сейчас выводим его из ступора... Но вы можете причалить на своей автоматике. Локальные информационные сети действуют безукоризненно.

– Ну что, причаливаем? – обернулся к разведчику Сомов.

Корабль двигался к станции. Филатов о чем-то думал. И не спешил отдавать приказ.

– Изображение, – велел он.

Прямо перед ним открылся провал, в нем возникла фигура в форме военно-космических сил.

– Я капитан Роберт Савельев, – отрекомендовался он. Лицо этого человека было зеленое, взор уверенный.

Комп подтвердил визуальную и голосовую идентичность капитана. Филатов посмотрел на Савельева внимательно, потом расплылся в радостной улыбке:

– Роберт, дружок, ты! Как я рад тебя видеть.

Командир станции смутился.

– Это я, Сергей. Не узнал, старый хрыч? Отпразднуем нашу встречу как положено. Помнишь наш загул в Садах Роз на Эльмаре?

Капитан недовольно отмахнулся:

– Потом нежности. Сначала причаль у станции, Сергей.

– Ладно... Отбой контакт.

Комп выполнил указание и проинформировал:

– Присутствие лишней массы на станции.

– Какой объем? – резко бросил разведчик.

– Десять каргомасс.

– Та-ак, – протянул Филатов... – Все, уходим. Приготовиться к переходу на вектор.

Включились двигатели. И «Гамаюн» начал увеличивать скорость.

Но Филатов опоздал.

Ангарные тубусы распахнулись. И из них посыпались точки, с этого расстояния выглядевшие мошкаррой – несколько маленьких и одна большая.

– Атака противника, – деловито уведомил комп. – Цели идентифицированы как малые безырковые истребители и средний крейсер.

– Ну, держись! – взревел Филатов. И бросил корабль вперед.

Когда человек что-то имеет, то, как правило, это не ценит. Сейчас госпитальер мог с ностальгией вспомнить, что всего несколько минут назад имел уютную каюту размером с камеру на ретропланетах, уйму свободного времени, безопасность и спокойствие. И все разом слизнула языком какая-то мерзкая корова. Страшно захотелось обратно, в надпространство, в безмятежную синеву. Но до него было очень далеко. Предстояло пройти через рой истребителей и вражеский крейсер.

– Кто это, черт возьми?! – воскликнул госпитальер.

– У них спроси! – огрызнулся Филатов. Он прикинул, не стоит ли передать госпитальеру управление огнем – одному трудно отвечать за все, но тут же понял, что будет только хуже. Госпитальер имел некоторое представление о космическом бое, вспомнить хотя бы атаку на космический госпиталь, когда ему пришлось отбиваться от черных истребителей. Но двойные экипажи в боевых кораблях должны быть сработаны и понимать друг друга с полуслова.

«Ничего, – решил разведчик, – вдвоем с компом как-нибудь справимся».

Количество маленьких точек росло. Истребители малого скачка все сыпались и сыпались со станции. И малый крейсер набирал скорость. «Гамаюн» был уже в пределах досягаемости огневых средств противника, по нему вполне могли

Новый сюрприз не заставил себя долго ждать. Средства наблюдения «Гамаюна» зафиксировали, что с поверхности планеты, всплывает, как глубоководная рыба со дна океана, еще один корабль – средний эсминец.

Силы были явно неравны. В таких случаях выход только один – спастись бегством. И никто не назовет его позорным!

– Корабль Федерации Московии. К вам обращается капитан Объединения Планет Свободной Совести Рихард Бальм, – зазвучал торжественный голос. – Вам не будет причинено вреда. Ложитесь в дрейф и приготовьтесь к стыковке.

– Хорошо, – кивнул Филатов. – Выводите на нас инфор-

мацию.

– Вы разумны, – удовлетворенно отметил служитель Свободной Совести. Сбавляйте скорость.

Но Филатов только прибавил хода, прошептав:

– Выиграем немножко времени...

– Что это за Объединение Совести? – с недоумением спросил госпитальер.

– Не слышал... Скорее всего банальные бандиты с большого космоса... Ну, держись!

Гравикомпенсаторы характерно зашипели, давя перегрузки, но не смогли нейтрализовать их полностью, и тяжесть вдавила москвитян в кресла.

«Гамаюн» стал резко наращивать скорость.

Боевые машины противника прыгнули навстречу. Безырковые истребители – это маленькие юркие машины, обладающие солидной огневой мощностью. В обычном пространстве они имели все преимущество перед прыжковыми кораблями дальнего радиуса.

– Не дурите, Филатов, – послышался голос.

– Так, им и имя мое известно, – мрачно заметил разведчик.

– Плохо дело, – с трудом выдавил госпитальер, погружая пальцы в ставшую почти текучей поверхность кресла. Слов давались с трудом, перегрузка давила на грудь.

– Еще не вечер!

По обзорным стереоэкранам рубки поползли траектории

объектов. Нетрудно было догадаться, что истребители идут на перехват и достаточно успешно блокируют противника.

– Прекратите! – в голосе капитана совестливых планет слышалось раздражение. – Ложитесь на орбитальное скольжение. В ваших интересах.

– Хорошо, – ответил ему Филатов.

И через пять секунд резко изменил курс.

Точки вероятностного движения, начертанные компом на обзорных экранах, начали перестраиваться. Филатов уводил корабль от столкновения, при этом в опасной близости к атмосфере. Гравикомпенсаторы выли, как волки, но не могли справиться с чудовищными перегрузками. Московитяне ощущали себя насекомыми, которых придавил башмак прохожего. Лица как-то сползли назад. Кресла окутали людей, превратившись в желе и пытаясь тоже подавить перегрузки, но им это удавалось с трудом. Госпитальер на миг потерял сознание. Тут же очнулся.

Противник, конечно, заметил этот маневр.

– Филатов, не дурите, – теперь уже уговаривал капитан Планет Совести. – Иначе я открываю огонь. Вы проиграли! Смиритесь, полковник! Я гарантирую вам жизнь!

– Бабушке своей, которую детстве удушил, гарантируй, – буркнул Филатов, когда корабль вышел из виража, и тяжесть исчезла.

Истребители тоже заложили вираж и рвались наперерез.

По всем расчетам уйти от них возможностей не было. Был

один вариант. Для психов с отсутствующим инстинктом самосохранения...

Похоже, с самосохранением у Филатова были проблемы. Поэтому он выбрал этот единственный самоубийственный вариант. Он уложил «Гамаюн» на вектор разгона. Он шел через атмосферу, что само по себе опасно... Но хуже было, что и заканчивался он в атмосфере – нырок должен был состояться там.

Противник еще не врубился в этот маневр. Клещи сжимались. «Совестливые» пираты были уверены, что добыча никуда не денется. Несколько десятков километров правее замаячил ближайший истребитель. Протянулась огненная дуга. Аккуратненько так бьет, чтобы повредить надпространственный двигатель. Это еще не страшно. Силовая установка погасила удар. Всполохи побежали красочные по куполу защиты и исчезли. Последовал еще один плазменный удар – тоже не страшно.

Второй истребитель заходил с другой стороны.

– Если примутся бить всерьез – пробьют экран, черти полосатые! Воскликнул Филатов. – Держись, доктор!

Госпитальер снова отключился от навалившейся перегрузки.

– Семьдесят процентов мощности на левый борт по цели пять, – почти шепотом продублировал Филатов голосом, хотя управлял через обрuch. – Ну, давай!

Правый истребитель вспыхнул. Его слабенькое защитное

поле не смогло погасить импульс плазморазрядника «Гамаюна».

– Полковник! – заорал неизвестный капитан. – Вы убиваете моих людей! Вы осложняете себе жизнь! Ложитесь в дрейф, и забудем об этом недоразумении!

Так. Пятьдесят процентов мощности по цели один!

Вспышка! На этот раз истребитель не разнесло, но тряхнуло прилично. Он изменил траекторию и поплелся к базе, не в силах больше драться.

На этот раз тряхнуло «Гамаюн». В него впиалась плазменное орудие с крейсера. И его достал третий истребитель. В рубке послышался зубовный скрежет, и возникло ощущение, будто корабль сейчас распадется. Но ничего такого не произошло.

– Повреждения пять процентов, – отчитался комп. – Регенерация – пятнадцать минут.

Филатов еще раз изменил курс. «Гамаюн» уже входил в верхние слои атмосферы.

На этот раз врезали по москвитянам снизу – с поднимающегося неторопливо эсминца. «Гамаюн» завибрировал так, что, казалось, людей взболтает, как яичный желток.

– Повреждения десять процентов, – проинформировал комп.

– Прижали! – выдавил Филатов. Он прикинул, что вполне может изменить курс, пробиться к эсминцу, выйти на удар и вломить на сто процентов. Вооружение «Гамаюна» позво-

ляло разворотить эсминец. Но малый крейсер его добьет. И еще юркие и больно жалящие истребители. Совсем если жить надоест – можно попробовать. Но пока Филатов намеревался выжить и вытащить своего друга.

Он дал пятьдесят процентов энергии на удар по левому борту. Еще один истребитель распался...

– Их как ос около улья! – воскликнул Филатов.

– Куда мы? – прошептал госпитальер.

– Нырнем поглубже в атмосферу. На точку перехода выйдем через несколько секунд...

Но вскоре они поняли, что этих секунд не будет. Кажется, капитан Рихард Бальм понял, что он имеет дело с сумасшедшими и завопил:

– При начале перехода вы будете уничтожены... Последнее предупреждение...

Экраны окрасились огнем – это корабль вошел в плотные слои и превратился в сгусток плазмы.

– Десять секунд! – не унимался миротворец-бандит. – И я вас раздавлю!

– Хорошо, – кивнул Филатов. – Мы сдаемся!

Им больше не верили. С эсминца и крейсера сорвались новые пучки плазмы в них. Казалось, корабль сейчас треснет от вибрации. Но поле эфиронатяжения погасило большую часть энергии.

– Повреждения – двадцать процентов, – сообщил компьютер, в голосе которого была сейчас растерянность.

– Даваться им в руки нельзя, – прошептал Филатов. И крикнул: – Переход.

Шансы при таком переходе не лишком велики. Но они есть. А сдача на милость победителя шансов не оставляла.

Дрожь еще усилилась. Трясучка такая, что, казалось, все кости рассыпятся. Госпитальер опять отключился. Но тут же сознание вернулось, еще более ясное. И он понял, что пространственный двигатель пошел вразнос.

Удары слышались со всех сторон. Возникло ощущение, что по корпусу корабля колотит стая взбесившихся циклопов. Заложило уши от свиста, переходящего в ультразвук.

– Переход, – пропел компьютер. – Опасная перегрузка.

Противник рассчитал все правильно. Он знал, что прыжковые корабли не способны при таком векторе разгона быстро провалиться в надпространство. И знал, что успеет развалить своего врага. Но он не знал, что имеет дело с принципиально новой техникой. В результате ошибка в расчетах – и москвитяне получили шанс.

«Гамаюн» балансировали на грани развала. Кабина залилась кроваво-красным светом – мерцал, как безумный, сигнал тревоги.

Одна секунда. Другая. Третья... Корабль уже должен был развалиться. Или выскочить в надпространство.

– Эх! – ликующе заорал Филатов, когда экраны окрасились в глубокую синеву надпространства.

А потом настало время грохота! Только это был не такой

грохот, как от взрыва. Содрогнулась сама основа мира. Дикая сила рвала людей изнутри и выворачивала их наизнанку!

Госпитальер потерял сознание. А когда очнулся, то увидел на экране гигантскую чашу планеты Феникс, покрытую толстым слоем облаков. Она купалась в космосе, пронизываемом светом далеких галактик, туманностей и звезд, реликтовым изучением.

Планета была. Звезды были. А станции не было. И кораблей противника не было...

Госпитальер качнулся в кресле, испытал приступ тошноты. Голова кружилась, мысли ворочались с трудом. Но самое странное было то, что после всего произошедшего он жив, может соображать и двигаться. После того, что произошло, после атаки той невероятной силы не живут... Хотя почему не живут?

Было понятно, что произошло нечто такое, что не укладывается ни в какие рамки этого и так странного мира.

Филатов тоже отключился. Но включился быстро – куда быстрее своего друга. Разведчик всегда умел включаться быстро, поскольку от этого часто зависела его жизнь.

Когда произошла катастрофа, у него тоже была святая уверенность, что им пришел конец. И очень обрадовался, что очнулся не на том свете, а в пилотском кресле.

Разведчик разом уловил основное. «Гамаюн» шел в верхних слоях стратосферы. При этом скорость его резко упала и была сейчас куда ниже первой космической. То есть корабль падал на планету.

Внизу была темная сторона планеты. В этой тьме – ни огней городов, ни всполохов молний. Но уже близилась линия терминатора, и дальше шел бескрайний океан, облака.

– В сфере сканирования техногенных объектов нет, – сообщил комп.

– Куда подевался противник? – любопытствовал Филатов, не слишком надеясь услышать от компа что-то дельное.

– В пределах досягаемости бортовых систем контроля среды его не наблюдается.

Какая-то чертовщина творилась. Но об этом потом. Нужно было сматываться из этой негостеприимной системы, и побыстрее. «Гамаюн» не мог вести равноценный бой с превосходящими силами противника.

Итак, нарастить скорость, выйти на вектор разгона. И вернуться сюда с усиленной эскадрой. Тогда и будет разговор.

Госпитальер застонал, зашевелился и открыл глаза.

– Сейчас нырнем, – успокоил его разведчик.

Корабль резко дернулся вперед. Скорость начала увеличиваться.... Ровно пять секунд.

– Неполадки в энергетическом контуре, – сообщил комп. – Наращивание скорости корабля приостановлено.

– Что за черт? Повреждения в силовом контуре? – завол-

новался Филатов. Это было бы хуже всего.

– Имеющиеся повреждения не могут быть причиной неполадок.

– Тогда что?

– Нет информации. Возможно, внешний фактор.

– Какой внешний фактор?

– Нет достаточных данных.

С изумлением Филатов видел, что энергозапас корабля стремительно падает. И вот он уже почти на нуле.

А потом начали выключаться приборы. Сканеры бездействовали. Гравикомпенсаторы накрылись. В общем, можно теперь не волноваться, откинуться в кресле и отдохнуть. Расслабиться те несколько минут, которые остались до момента, когда корабль зароется носом в океан и развалится на кусочки.

– Мы падаем, – подал голос госпитальер.

– Да-а?.. По-моему, это каюк, доктор. Кто-то высосал всю нашу энергию...

Тут заработали двигатели. Энергозапас снова был почти в норме.

– Й-а! – хлопнул в ладоши Филатов.

Оказалось, рано радовался. Энергозапас скачком сократился наполовину.

Творилось нечто невообразимое. Этого не могло быть. Но тем не менее все происходило наяву, а не во сне.

– Разбалансировка эфирнакопителей, – только и успевал

уведомлять комп о событиях, которые просто не могли происходить. – Несостыковка параметров сдвига.

Он перечислял смертельные болезни. Непонятно было только, как корабль еще держится.

– Высота двадцать пять километров, – сообщил комп. – Падение остановлено. Скорость нарастает.

Корабль лихорадило. Это было жутко. Какофония звуков. Странный оркестр из пиликанья детекторов, комариного писка то включающихся, то выключающихся систем, приборов, свиста то срабатывающих, то вновь накрывающихся гравикомпенсаторов. Все это в каком-то завораживающем, потустороннем ритме. И тут еще совершенно излишние комментарии компа – Филатов и так через обруч держал под контролем корабль и знал обо всем, а госпитальер все равно был не помощник, а зритель.

Пока пилот боролся за жизнь корабля, Сомов увидел впереди по курсу странное мерцание, похожее на северное сияние.

Сначала показалось, что молнии. Потом это стало больше походить на световые эффекты на аренах сенсорнаведения – ритмический перелив зеленых и голубых лучей.

– Что за напасть? – воскликнул Сомов.

Филатов тоже заметил это, но никак не прокомментировал – не до этого. Он снова попытался набрать высоту. И ему это пока удавалось.

– Пятьдесят километров,

Корабль преодолел линию терминатора и теперь летел над голубым океаном.

– Этого не может быть! – воскликнул Сомов, глядя под ноги, где плыла поверхность океана и архипелаг островов.

Внизу растянулись в цепочку острова. Но какие!

Они все были примерно одинакового размера и аккуратненькой квадратной формы!

Насколько москвитяне располагали информацией о планете, таких островов здесь не было и быть не могло. На Фениксе не наблюдалось следов каких-либо цивилизаций. И человечество еще не успело потрудиться над планетой. Вместе с тем форма островов выдавала не только их искусственность, но и говорила о достаточно высоком уровне цивилизации, умудрившейся сотворить подобную нелепицу.

Между тем опять стало ни до чего. Корабль так и не мог набрать первую космическую скорость, и то поднимался вверх, то терял высоту.

– Разбалансировка эфирного накопителя. Напряженность поля натяжения – пять дасвеллов, – уведомил комп.

– Черт!

Корабль опять начал снижаться.

– Надо садиться! – воскликнул Филатов. – Разобраться с кораблем, а потом стартовать! Иначе нам не выйти не только на вектор разгона, но даже в космос.

– Садимся, – согласился госпитальер.

Филатов по широкой дуге повел корабль на разворот. Об-

летать всю планету, чтобы опять добраться до единственного материка – это было опасно.

«Гамаюн» лег на обратный путь. И через несколько минут опять нырнул на темную сторону.

Впереди опять была та самая цветомузыка. И мелькание всполохов странно гармонировало с песней приборов в рубке.

– Заходим на твердь, – решился Филатов.

Тут корабль сотряс удар, опять прокатилась мелкая дрожь. И запасы энергонакопителей снова скатились почти до нуля. На этот раз окончательно.

К этому времени пилоту удалось сильно погасить скорость. До земли оставалось одиннадцать километров.

Филатов трансформировал корпус лайнера. Со стороны это выглядело фантастично. Твердый корпус вдруг стал походить на ртуть, расплываться, и вскоре сигара корабля приобрела аэродинамические свойства планера – раскинулись в сторону многометровые крылья.

«Гамаюн» перестал падать как утюг и начал плавно снижаться. Гравитационные скользятели худо-бедно работали, хотя все чаще с перебоями.

Девять километров. Восемь... Пять...

Сканеры, которые то барахлили, то работали нормально, разворачивали объемную карту поверхности. Внизу была равнина, с небольшими холмами и озерами, с двумя мощными реками. Все поросло лесом.

Три километра. Два...

Скорость корабля продолжала падать. Счет пошел на метры...

Гравискользители выключились перед самой землей, и корабль грузно рухнул в озеро, подняв высокую волну.

– С приводнением, доктор, – Филатов перевел дыхание и сорвал обруч. Открыл красные глаза. Вид у него был обалделый.

– С приводнением, – кивнул госпитальер.

Корабль покачивался безмятежно на волнах.

– Комп, жив?

– Состояние нормальное. Нестабильность энергоснабжения. Путаница в приборах.

На экранах была темень. Небо покрыто облаками. Угадываются какие-то темные массы – скорее всего лес.

– Картинку, – потребовал Филатов. – И карту.

Экраны просветлели – изображение было бледным, через приборы ночного видения, но четким. В воздухе зависла голокарта местности.

Озеро было круглым, километров пяти радиусом, поросшим как ковром какими-то водорослями. Берега полового спускались к воде. Дальше шел лес, деревья походили на огромные сосны.

– Комп, отчет по всем параметрам. Куда нас занесло.

– Соотношение звездного атласа и рисунка созвездий – планета Феникс. Время – тридцать второе ноября, шестнадцать часов девять минут по Петербургскому времени.

– Уже легче.

– Торсионная постоянная – плюс десять процентов. Константа Артемова-Шеленграеэра – разброс плюс-минус пятнадцать процентов. Константа Лао-Лин...

– Стоп, – поднял руку Филатов, встряхнул головой. – Ты чего говоришь? Что этот бред значит?

– Бред – достаточно точное определение ситуации с точки зрения ассоциативного ряда, – согласился комп, наделенный зачатками ассоциативного мышления и юмора. – Логическому объяснению не поддается. Постоянные в стабильном пространственно-временном континууме реальной Вселенной меняться не могут.

– На то она и постоянная, чтобы не меняться, – фыркнул госпитальер.

– Совершенно верно.

– Идеи? – обернулся к госпитальеру разведчик. – Что это за ерунда творится?

– Не думаю, что тебе по душе придется моя теория.

– Да ладно, не девица. Вынесу как-нибудь оскорбление.

– Мы в другой Вселенной, – с уверенностью произнес Сомов.

– Доктор, как же все просто, – всплеснул руками Фила-

тов. – Всего-то в другой Вселенной!

– А как ты иначе объяснишь все?

– Что значит в другой Вселенной?

– Параллельный мир. Отделенный от нас или временным барьером, или иной пространственной мерностью.

– Как Теневые Миры?

– Не совсем. Возможно, это искаженное копия нашего мира... Я не физик, чтобы разбираться в тонкостях...

– Ладно, – кивнул Филатов. – Принимается как рабочая гипотеза. Временно... Что еще умного скажешь?

– Судя по квадратным островам, тут есть цивилизация.

– Комп, твои выводы насчет цивилизации.

– Признаков техногенной активности не выявлено. Эфировсплесков не обнаружено.

– Радиосигналы?

– Не определено. В атмосфере сейчас магнитная буря. Ионизация – восемьдесят процентов по шкале Риммера. Проникаемость радиосигналов практически отсутствует.

В воздухе возник график и поползли цифры, характеризующие магнитное состояние атмосферы.

– То есть могут быть, а могут и не быть, – кивнул Филатов.

– Сканирующие системы работали нестабильно, – посетовал комп. – Однако установлено, что двести тридцать километров по азимуту сто тринадцать имеется образование, которое можно идентифицировать как город.

– И чего молчал?

– Данные сведения не были вами запрошены.

– Город, – Филатов встряхнул головой. – Поехали дальше.

Комп, в чем может быть причина нестабильности энергетических и сканирующих систем?

– Я уже докладывал. Достоверная информация отсутствует. Варианты – разница в базовых постоянных. Возможно, точечное внешнее воздействие.

– Тут чуток поподробнее.

– Флюктуации континуума. Исходная точка возмущения локализуется на поверхности планеты.

– То есть там источник этого безобразия?

– Вероятность девяносто пять процентов.

– Ты засекаешь изменение континуума?

– Да. Оно подчинялась сложному ритму

– Вероятность, что ритмика носит искусственный характер? – спросил Сомов

– Девяносто восемь процентов...

– Ты засекаешь световые эффекты на поверхности? – поинтересовался госпитальер, которому не давал покоя аналогия замеченного им во время полета сияния со светоэффектами на аренах психонаведения.

– Да.

– Сопоставить их ритмику с ритмикой постороннего воздействия на наши системы.

– Корреляция восемьдесят пять процентов. Случайность практически исключена.

Ошарашенный Сомов посмотрел на экран.

– Мы попали под техногенное воздействие, – кивнул Филатов.

– И источник его на поверхности. Та самая цветомузыка. Филатов задумчиво посмотрел на экран. Потом кинул:

– Комп, мы можем сейчас взлететь?

– Исключено. Энергонапряженность ходовых систем равна нулю.

– А рабочее вещество?

– Восемьдесят один процент. Количество соответствует расчетному после затрат на прыжок и передвижение в надпространстве.

– Значит, баки полны. А энергии нет.

– Нарушение базового закона, – охотно согласился комп.

– Дай разверстку локализации зоны аномального возмущения, – потребовал разведчик.

Возникла карта континента – просканированная во время полета. Зону аномального возмущения локализовать точно не представлялось возможным. Получался приличный квадрат – тридцать на тридцать километров на удалении более тысячи километров отсюда. Это не расстояние, если бы корабль был полон сил. Но он плавал в озере обессиленный.

– Что предлагаешь, эскулап? – спросил Филатов.

– Дождемся утра, – без особой охоты изложил свой план госпитальер. – И пойдем искать точку возмущения.

– Пешком, – кивнул разведчик.

– А ты что предложишь иное?

– Мне то что. Тебя, нежного, жалко...

Московитяне стояли на берегу и вдыхали влажный воздух.

Туман, стелившийся над озером, начал рассеиваться. Фиолетовые водоросли, устилающие воду на многие километры, подходили к самому берегу. На поверхность выпрыгивали стайки синих рыбешек и опять зарывались в фиолетовое покрывало, уходя на глубину. Над водой склонились деревья, напоминающие плакучие ивы.

«Гамаюн» покачивался на волнах метрах в тридцати от берега. Серебристая торпеда полусотни метров в длину выглядела в этих заброшенных местах достаточно странно.

Филатов коснулся пальцем своего контактного браслета. Раздался звук, похожий на фыркание, и «Гамаюн» топором ушел на дно, только круги по волнам. Водоросли сомкнулись – как и не было инопланетного корабля.

При виде этого зрелища на госпитальера накатило тошнотворный ужас. Ему вдруг подумалось – а вдруг эта нить с их миром порвалась окончательно? Вдруг корабль так и останется бесполезной бронированной болванкой лежать на дне, и пути назад нет?

Филатов почувствовал его состояние. Видимо даже раз-

ведчика с титановыми нервами проняло.

– Не бойся, Никита. Мы еще не отъездилишь.

– Пошли! Чего тут стоять! – госпитальер решительно направился вперед.

На компланшете был начерчен их маршрут, и стрелка показывала направление, нужно только не забывать сверяться.

Лес был неухоженный, что неудивительно – ухаживать за ним некому. Поэтому приходилось пробираться через кусты и поваленные стволы, сгнившие, усеянные полупрозрачными грибами с остроконечными шляпками и толстыми слоновьими ножками.

– Если придется так переться тысячу километров... – покачал головой госпитальер, присаживаясь на корягу, когда почувствовал, что прилично утомился.

– Вряд ли.

Начинало припаривать – было градусов тридцать, но жара была самой маленькой проблемой у москвитян. Одеты они были в походные комбезы «хамелеоны», которые еще не успели поступить на вооружение элитных диверсионных групп Космофлота. Это была идеальная система для выживания на других планетах и выполнения боевой задачи. Гибкие кристалломорфы серии защита-К обладали потрясающими свойствами – они держали удары огнестрельного оружия, частично лазерного и разрядников, не говоря уж о холодном оружии. Карманы, контейнеры были излишни – они

наращивались по мере необходимости. В нем можно было некоторое время пребывать в космическом пространстве и в атомном реакторе. В них были вмонтированы походные аптечки, постоянно контролировавшие состояние организма и при необходимости синтезирующие и закачивающие лекарства, а так же много других приспособлений, облегчающих нелегкую жизнь диверсанта. И, самое главное, все это работало.

Московитяне успели заметить, что устройство, основанные на стандартной магнитодинамике, работают более-менее прилично. Мощные эфиродинамические устройства шалют.

Госпитальер ударил себя по щеке, на которую уселось кровососущее насекомое. Посмотрел на ладонь. Комар как комар. Биосфера сильно напоминала земную, правда, с некоторыми коррекциями. С трудом верилось, что их занесло в иную вселенную, где базовые константы сдвинуты, и, по идее, все должно быть, как в Алисином зазеркалье – шиворот навыворот. Но было все наоборот – как-то слишком обыденно.

Вытащив из контейнера, вздувавшегося небольшим наростом на боку, раковину приоров, госпитальер проснулся ее пальцами, и почувствовал, что тоска отступает.

– Поднимайся, – велел Филатов. – Так можно долго баклуши бить.

Госпитальер спрятал раковину, нехотя поднялся на ноги.

И они снова начали ломиться через бурелом.

Через пару часов они вышли на просеку шириной метров в сто, уходящую вдаль. По бокам деревья были вывалены в странном беспорядке и шел густой кустарник, зато в центре можно было гулять как по проспекту – даже пеньки выкорчеваны.

– Следы разумной деятельности, – сказал Филатов.

– Ну да, – кивнул госпитальер. И скоро мы наткнемся на лесозаготовительный роботозавод.

Друзья бодро направились по просеке. Идти стало совсем легко. Правда, путники немножко уклонялись от маршрута, но это было все равно лучше, чем ломать ноги в дремучем лесу. Кроме того, они надеялись набрести на более убедительные свидетельства цивилизации.

– Непонятно, кто на нас навалился на орбите, – произнес госпитальер задумчиво, шагая вперед и смотря себе под ноги, будто мечтая увидеть там что-то важное.

– Харлейцы, – сказал Филатов.

– С чего ты взял?

– Я этих тварей носом чую... Тактика боя. Некоторые нюансы. Они, точно. Больше никому.

– Значит, они теперь называются Объединение Планет Свободной Совести.

– Любят звонкие названия, сволочи! Свободная совесть! Надо ж!

– Судя по тому, что тебя называли по фамилии, их ин-

формированность выше всяких похвал.

– Утекла информация, – вынужден был согласиться разведчик. – Притом из нашего ведомства.

– Им нужен был ты?

– Вряд ли из-за меня стали бы затевать весь сыр-бор. Им нужна приорская раковина. Компенсация за артефакт, который уплыл от них на Швице.

– Сергей, все хотел тебя спросить – как ты узнал, что станция захвачена?

– Выключенная система оповещения – это нечто неординарное. И капитан вел себя как-то не так.

– Они моделировали изображение капитана Роберта Савельева?

– Точно. Моделированное изображение невозможно отличить от настоящего. Поэтому я и устроил клоунаду – признал его как старого друга. Напомнил о старых похождениях. Он копился и не стал отрицать. То есть попался в простейшую ловушку.

Госпитальер спотыкнулся и упал, ударившись коленом о какой-то сучок. Застонал.

– Жив?

– Жив... Замаялся уже.

– Ты представь, как бы мы проводили сейчас время в плену у харлейцев. И тебе станет легче.

Госпитальера передернуло. Он имел представление, как харлейцы встречают гостей.

Он нехотя поднялся, и они поплелись дальше. Вспомнилось, как они топали по Ботсване. По Гаскони. По Синей Долине... Все повторяется. Тогда они сумели выкрутиться. Хватит ли заряда везения на этот раз? Сомов пытался отогнать эту назойливую мысль, но она донимала его.

Над ними закружилась птица, страшно похожая на ворону, она спустилась ниже, с интересом посмотрела на людей и сиганула дальше.

– Все похоже, – произнес госпитальер. – Не удивлюсь, если по лесам здесь рыскают волки и в берлогах спят медведи. Оно и лучше, что нет экзотической живности.

Филатов резко вздернул руку.

– Что? – замерев, спросил Сомов.

– Тише, – негромко произнес Филатов. – Слышишь?

Откуда-то издали раздавался треск.

– Что это?

– Ты кого еще спроси... Знаешь, давай-ка сойдем с улицы и посидим в засаде. Оно правильное будет.

Госпитальер спорить не стал. Он отлично знал, что при работе с другом для того, чтобы выжить, нужно немного – четко и быстро выполнять его приказы, какими бы они не были.

Они спрятались в кустарнике, который шел по краю просеки, как специальное ограждение.

Треск и тяжелый топот приближались.

– Слонов там что ли стадо? – нервно хмыкнул госпита-

льер.

– Сиди тише. Если что – сматываемся.

У них были бластеры, но непонятно, будет ли от них польза в боестолкновении. Индикатор боезапаса вел себя как ненормальный – то показывал то максимум, то ноль. Так же как и энергозапасы гравитационных поясов. Фокусы другого мира.

Земля тряслась.

А потом справа на той стороне просеки треснуло и повалилось дерево. Еще одно...

И на просеку резво выскочило нечто!

– Мать божья, – прошептал Сомов.

То, что вышло из леса, больше всего походило на танк времен больших земных войн. Ног у него не были. На месте конечностей колыхались какие-то складки, что не мешало двигаться быстро. Массивное приземистое тело размером с пару бегемотов, наверху впереди – утолщение в форме сундука, которое можно при желании принять за голову. На месте носа свисал хобот. И это чудо-юдо перло вперед, валя небольшие деревья и обходя те, что побольше.

– Каменный гость, – хмыкнул Филатов.

Действительно, создавалось ощущение, что оно сделано из камня. Очень его поверхность напоминала шершавый, покрытый желтым мхом булыжник.

– Это какая-то машина, – предположил разведчик.

Сомов, обладавший зачатками экстрасенсорных способ-

ностей, правда, пробуждавшихся время от времени, вдруг ощутил некий внутренний толчок – так появляется снисходящее откуда-то знание предмета.

– Оно живое, – заключил он.

– Каменный гость...

Между тем чудовище замерло, прокрутилось вокруг своей оси, будто прикидывая, что делать дальше, от тяжести в земле образовалась круглая воронка. Издало какой-то звук, похожий на сирену воздушной тревоги в мирах второй линии. И рвануло вперед. Прямо в сторону притаившихся людей.

Филатов весь сжался и опустил голову, представляя, как этот каменный «танк» налетит на них и раскатает в блин. Рука потянулась к бластеру, но разведчик остановил его.

Монстр мчался все быстрее. Земля дрожала.

Он вломился в кустарник метрах в трех от затаившихся людей, повалил дерево. Ринулся обратно. И устремился дальше по просеке, снова яростно затрубив.

– Ты заметил, что у него в складках за головой? – спросил разведчик.

– Что?

– Наездник!

– Как? – не поверил своим ушам Сомов.

– Там сидел человек. Обычный человек...

Госпитальеру было стыдно, что не увидел ничего, малодушно уткнувшись носом в землю. Но он ничего не мог по-

делать с собой – он молился. Чтобы пронесло. И ему было не до рассматривания.

– Да, тут вовсе не скучно, – произнес он.

– Пошли дальше, – Филатов начал подниматься, но госпитальер удержал его за руку.

– Подожди... За ним кто-то гонится.

– Ты представляешь, кто может напугать такое чудище!

– Даже думать не хочу, – поморщился Сомов. – Но, может, сейчас увидим...

Они пролежали в засаде еще минут пять, когда послышался топот. Он ничего общего не имел с сотрясанием почвы при приближении каменного танка. Из леса, там где, чудище свалило деревья, появились преследователи – четверо всадников в розовых рыцарских доспехах, на гладком металле которых плясало вскарабкавшееся на небосвод солнце. А кони – огромные, с тяжелой поступью, и при этом легкомысленно полосатые, как зебры. Компания смотрелась бы забавно, если бы от них не распространялась удушливая угроза.

Они на миг замерли. А потом устремились вслед за «каменным гостем». У одного из них на плече была установка, чем-то напоминающая крупнокалиберный пулемет.

Они растянулись и поскакали друг за другом, наращивая скорость. Первый. Второй. Третий пронеслись мимо.

Замыкающий рыцарь, пролетая мимо притаившихся людей, вдруг натянул поводья. Его конь резко затормозил, ударил копытами.

Рыцарь напряженно огляделся, будто выискивая кого-то. На месте железного забрала у него было дымчатое стекло, которое скрывало лицо.

Госпитальер готов был поклясться, что этот тип почувствовал их присутствие.

Рыцарь еще раз огляделся. Волны угрозы, исходившей от него, стали еще удушливее.

Сомов стиснул бластер. Кинул взор на индикатор – он был на нуле – теперь это было не страшное оружие, а никчемная игрушка.

Рыцарь еще раз осмотрелся. Ударил коня закованной в металл ладонью по боку. Скакун, ударив передними копытами о землю, привстал на дыбы, устремился вперед.

– Уф-ф, – перевел дыхание госпитальер.

– Похоже, тут все не так просто, – хмыкнул разведчик. – Как бы не попасть из огня да в полымя.

– Если уже не попали.

Лес поредел и стал более ухоженным.

От греха подальше друзья с просеки свернули. Тем более она резко заворачивала и уходила в совершенно не нужную сторону.

Воздух был напоен пьянящими цветочными ароматами, хотя самих цветов не было видно. Трава росла приземистая,

по щиколотку, мягкая, ярко зеленая и какая-то декоративная. На ней хотелось повалиться и поглазеть на голубое небо, перечерненное ветвями деревьев, напоминавших ясени. Местами рос колючий кустарник с лиловыми ягодами, выглядевшими страшно аппетитно. Естественно, попробовать их не стали – благо с провизией проблем не было. У каждого в контейнерах «хамелеона» имелся запас пищевых пластинок. Пусть они не наполняли желудок и на вкус напоминали картон, но по энергоотдаче каждая из них заменяла плотный ужин. Их хватит месяца на три-четыре.

– Как парк в Петербурге, – усмехнулся госпитальер, хлопывая по коре высокого дерева, напоминающего развесистый дуб.

– Ты не расслабляйся, Никита. Это все-таки на Петербург. Пару раз слышалось отдаленное шуршание. Однажды из зарослей вылетело существо, похожее на кабана, посмотрело очумело на пришельцев и сигануло дальше по своим важным делам. Другой раз появился чистый волк – голубоглазый, белый, с круглой синей отметиной на боку, как мишень. Он держался с достоинством, пристально осмотрел пришельцев, обернулся и неторопливо отправился прочь.

– Хозяин, – с уважением произнес госпитальер.

– Шавка инопланетная.

– Все-таки биосфера очень похожа на нашу.

– Особенно каменная зверушка, – поддакнул разведчик.

Ощущение легкой прогулки пропало, как корова языком

слизнула, когда они выбрались на идеально круглую, посыпанную серым мелким песочком поляну.

В центре возвышалось небольшое мегалитическое сооружение. Грубо отесанный каменный алтарь в центре, вокруг врытые в землю семь камней.

– О-па! – покачал головой разведчик. – Кто-то потрудился.

Под каждым камнем лежал скелет, прикованный ржавыми цепями.

– Ой как мне все это не нравится, – с тоской протянул госпитальер, глядя на скелеты, которые когда-то были людьми.

– Уходим отсюда, – резко прикрикнул Филатов. – Иногда святые места охраняются.

– Подожди. Нельзя упустить такого случая, – госпитальер подошел к скелету, внимательно смотрел его. На удивление, он соответствовал человеческому даже в деталях. На земле он не вызвал бы ни у кого сомнений, что это человек.

Госпитальер вытащил коробку аптечки, прислонил к бедренной кости. С чмоканьем выдвинулась присоска и жадно присосалась к кости. Через две минуты в воздухе повисла голографическая разверстка с результатами исследования материала, генетического кода.

– Они почти люди! – воскликнул Сомов.

– Кто-то намекал, что это другая Вселенная.

– Хомо сапиенсов мы встречаем по всей Галактике, и везде они практически не отличаются друг от друга.

– Ну да, я знаю. Теория планового заселения.

– А кто мешал заселить не только Галактику, но и другие измерения?

– Лишь бы было упрямство... Пошли. Скоро солнце сядет. А нам еще нужно найти безопасное место для ночлега.

Через некоторое время они набрали на обглоданные кости громадного животного, походившего на динозавра. А еще через полчаса вышли на прямую, как стрела, дорогу.

Разведчик присел на колени и озадаченно покачал головой, погладил ладонью идеально ровную поверхность из серого стеклянистого вещества. Поверхность была шершавая, как раз подходящая для скоростного транспорта. Вдоль дороги на расстоянии пары сотен метров друг от друга тянулись стальные столбики с решетчатыми украшениями наверху.

– Высокотехнологичная цивилизация, – отметил госпитальер. – Как-то не вяжется с общим запустением. И черепами на капище.

– Непонятно. Но факт...

– Ну что, пошли вдоль дороги.

Разведчик сверился с планшетом и заметил:

– Трасса уходит на десять градусов, но думаю, лучше идти по ней.

По дороге были идти не в пример легче, чем даже по ухоженному лесу.

Солнце давно перевалило зенит и решило спрятаться в

лесах. Начали сгущаться сумерки. Дорога стала петлять. За ее поворотом друзья и наткнулись на следующую неприятность.

Первым, конечно, среагировал Филатов – махнул рукой, подал знак, который означал «прячься, отползай, чтобы тебя не слышно и не видно было».

За поворотом что-то горело, тянуло запахом жареного мяса и слышались грубые голоса. Потом поплыли хриплые горловые стоны, отдаленно напоминающие песню. Похоже, там шла развлекуха.

Друзья осторожно двинулись вперед. Филатов весь превратился в слух. Пытался высмотреть, не стоит ли кто на карауле, нет ли движения. Ничего не заметил. Вокруг чисто.

Они пошли через лесок, стараясь не шуметь. Скрываясь за кустами, приблизились к месту.

Госпитальер покачал головой. Зрелище ему показалось совершенно абсурдным.

На обочине горел костер, на нем – вертел с маленькой тушкой. Стояла уныло запряженная в кибитку на колесах здоровенная скучная кобыла. Около огня расположились на земле двое бродяг. Один хлебал из котелка какое-то варево. Другой прикладывался к кувшину, тыкал ножом в жарящуюся тушку и напевал заунывную мелодию на певучем, с растянутыми согласными, языке. В это же время еще четверо занимались работой, которая их поглотила полностью. На врытое в землю двухметрового диаметра колесо они прила-

живали человека. Руки ему уже привязали толстыми грубыми веревками, оставались ноги. Судя по тому, что у них была увесистая кувалда и гвозди, ремнями дело не ограничится. Громадный рыжебородый палач, работая, подпевал бродяге у костра. Мелкий верткий тип подпрыгивал на месте, бил себя по ляжкам и что-то ликующе выкрикивал.

Часть субъектов явно европейского типа. Другие походили на питекантропов. Все холщовых грубых рубашках разной степени изношенности и дырявости и высоких кожаных или пластмассовых сапогах. Компания, как из дурного сна.

– Работа кипит, – негромко произнес Филатов, решивший, что можно особенно не таяться. О военном деле, карауле, боевом охранении у этих людей понятия нет.

– Мне кажется, это казнь, – произнес госпитальер.

– Похоже на то.

– Что делать?

– Вообще-то существует правило невмешательства, – напутственно сказал Филатов. – Особенно при полном отсутствии информации о положении на исследуемой планете.

– Предлагаешь оставить человека умирать?

– Гуманист ты наш. Гиппократ, – Филатов задумался. – Может, это маньяк-убийца и он заслужил своей участи. Или это ритуальное жертвоприношение.

– На наших глазах сейчас распнут человека.

Филатов почесал пальцем подбородок. Потом кинул:

– Сиди, доктор. Не высовывайся. Скажи, что понял.

– Понял.

– Вот и ладненько, – разведчик вытащил бластер и отдал госпитальеру. Сжал в кулаки и разжал пальцы. На его руки напозли перчатки, голову прикрыл почти невидимый прозрачный шлем. Филатов усмехнулся и пошел вперед.

Дискуссий долгих не получилось. Сидящие у костра при его появлении вскочили. Один замахал опустевшим кувшином. Другой угрожающе вытащил топор и выставил перед собой. Палачи на них внимания не обратили, только кинули вскользь взор и вернулись к своей работе.

«Питекантроп» с топором что-то заорал и махнул рукой в сторону леса. Жест был понятен – проваливай, пока тебя тоже не прибили к колесу.

Филатов приближался, не обращая на него внимания. «Питекантроп» неуклюже двинулся к нему. Взмахнул с молодецким гиканьем топором. Филатов резко сблизился с ним. Топор полетел в одну сторону. Его обладатель – в другую. Удар в нервный узел вывел его из строя часа на два.

Наконец, вся компания поняла, что происходит нечто экстраординарное. Рыжебородый, который вязал ноги жертвы, так и не счел нужным отвлекаться от своей работы. А остальные четверо встали полукругом, ощетинились кто ножом, кто небольшой саблей, кто молотком. И начали стискивать окружение вокруг разведчика.

Госпитальер устроился в кустах поудобнее, предвкушая развлечение.

Тот, у которого была самая длинная сабля и самая наглая обезьянья рожа, рванулся вперед и нанес рубящий удар. Филатов без труда ушел в сторону. Удар в ответ – еще один отдыхает.

Остальные с визгом бросились на противника. В их голове не укладывалось, что с ними можно так обращаться.

На миг образовалась куча мала. Потом из нее начали быстро выпадать тела. Одно угомонилось. Другое... Последнее тело, поняв, что ему ничего не светит, устремилось прочь. Филатов настиг беглеца и выключил.

Самое интересное, что рыжебородый так и не отвлекся от своей работы. Наоборот, он закончил с ремнями и уже примеривался, как вогнать в ногу несчастного здоровенный черный гвоздь.

Филатов подошел к нему и положил руку на плечо. Палач обернулся и несколько озабоченно посмотрел на разведчика. Захотел засветить ему по голове молотком. Результат все тот же – молоток расстался с хозяином, а хозяин прилег на землю.

Восхитительное зрелище. Минимум членовредительства, максимум эффекта. Мастер ту-чэй в работе.

Оглядев поле битвы, Филатов отряхнул демонстративно руки, убрал колпак и крикнул:

– Доктор, вылазь. Они не возражают.

Теперь оставалось освободить бедолагу. Это был невысокий, смуглый, с толстыми губами, длинным острым носом

и наивными, беззащитными, но очень подозрительно бегающими глазами человек, на вид лет тридцати. Одет в серую, неприметную хламиду неопределенной формы, сделанную из прочного эластичного полимера, исчерченную разноцветными блеклыми надписями.

Он всхлипнул, шмыгнув носом, когда его сняли с импровизированного орудия казни. Гордо выпрямился. И что-то затараторил, тыкая себя в грудь.

Потом подошел к кибитке, вытащил оттуда мешок и начал выпрягать лошадь. Видимо, о священном праве собственности он имел расплывчатые представления.

– Нет, так не пойдет, – покачал головой Филатов. – Пойдешь с нами.

Он взял за локоть спасенного и жестами разъяснил свое требование. Тот понурился, но возражать не стал. Только с тоской посмотрел на кобылу, однако разведчик оттащил его от нее.

Дальше начался осмотр вещей поверженного врага и выискивание того, что может пригодиться. Разведчик тоже не страдал пиететом по отношению к чужой собственности. Проводя спецоперации в различных концах Галактики он давно сбился со счета, сколько законов нарушил.

– Пошли, – закончив с ревизией, приказал разведчик.

Спасенный все понял и уныло поплелся вслед за ними.

Они углубились в лес. Остаться на дороге после того, что произошло, было опасно.

Через полчаса сделали привал. Солнце уже зашло окончательно. Можно отдыхать. Хорошо бы заснуть. Денек у москвитян выдался трудный, с явным переизбытком острых ощущений.

Впрочем, какой отдых? Друзьям предстояла работа.

Когда они взялись за спасенного, у того в глазах застыли испуг и мольба.

– Не трясись, как заяц, – произнес Филатов, зная, что спасенный его не понимает. – Давай, эскулап. Начинай...

Нейрознаковый семантический считыватель спроектировали и изготовили на «Лысой горе» – в институте нетрадиционных проблем. Как эта штукавина работает, никто не знал. Были какие-то предположения на сей счет, однако не менее фантастические, чем само устройство. Но главное – она работала.

Выглядело это, как здоровенный одиннадцатиногий паук чернильно-черного цвета. Сомов поднес его к спасенному. Тот дернулся, но Филатов своими железными руками жестко зафиксировал его голову. А Сомов присоединил паука ко лбу несчастного.

Спасенный заорал. Потом глаза его закатились. А на лице появилось отсутствующее выражение.

Паук зачавкал, загудел... И через десять минут отвалился.

– Теперь наша очередь, – сказал разведчик.

Сомов прилепил паука к нему.

А потом к себе.

– Готово.

Люди испытывали легкое головокружение, тошноту. Впрочем, они быстро прошли.

Спасенный уже полчаса находился в глубоком обмороке. Филатов похлопал его по щекам. Помассировал биоактивную точку. И пленник ожил.

Он огляделся с видом человека, обнаружившего себя на том свете, и слабо прошептал:

– Где я?

В этот момент в голове у москвитян что-то сдвинулось. Мир заходил ходуном. Закрутилась карусель, в которой вертелись бешено обрывки слов, звуков, мелодии. Так всегда бывает после «паука», когда слышишь первое слово. Но все пришло в норму.

И теперь москвитяне знали, что понимают язык планеты, как свой. И вполне готовы разговаривать на нем, благо артикуляция не представляла особой трудности для произношения.

Произошло маленькое чудо. Паук высосал всю информацию о языке и переложил в сознание землян. Притом проделывал он такие штуки не только с людьми, но и с гуманоидами – без всякой разницы.

– Ты кто? – спросил Филатов. Странное ощущение. Сло-

ва кажутся незнакомыми, но язык сам их произносит, и все понятно.

– Я – Сириус, рожденный в Этане и покинувший Этану, – говоря это, спасенный гордо подбоченился и взор его стал туманный. Видимо, эта фраза что-то значила и ему было чем гордиться.

– Что с тобой хотели сделать на дороге, Сириус, покинувший Этану? – полюбопытствовал разведчик.

– Эти невежественные дети порока хотели предать меня лютой и, надо заметить, совершенно незаслуженной смерти, – вздохнул Сириус и воровато отвел глаза.

– Ты вор? – вперился в него глазами судьи Филатов. – Грабитель?

– В их представлении хуже, – грустно произнес Сириус.

– Кто?

– Свободный искатель Знания. Странник.

– И что?

– Ну, в общем, я им... Но они сами попросили. И если бы... – тут его речь стала совсем сбивчивой

– И что ты натворил такого, Свободный искатель, что тебя решили приколотить к трухлявому колесу?

– Это не трухлявое колесо. Это их родовое место казни, – усмехнулся Сириус. – Они считали, что я удостоился чести. Дикари. Грязные, невежественные дикари, которым чужд свет истинного знания... Даже палачи в Санторини и Калдариусе относились ко мне гораздо почтительнее... Не

говоря уж о высочайшей культуре Росомаха!

Видимо, у Сириуса имелся богатый опыт общения с палачами, только непонятно, что им помещало закончить в свое время работу.

– Ты не ответил на вопрос, – произнес Филатов строго..

– Они посчитали, что мой порошок для повышения тучности их стада привел к эпидемии.

– Что, ученый, уморил стадо? – усмехнулся Филатов.

– Нет, стадо чувствует себя прекрасно.

– Тогда в чем дело?

– В деревне началась эпидемия стеклянной болезни.

– Ага. Ты уморил деревню.

– Я не при чем! – тема была для него болезненная. – Эти невежественные болваны, эти тупицы, эти дети порочной связи песчаного скунса и болотной выдры не способны связать причины и следствия! Эти шакалы...

– Чуток медленнее, – поднял руку Филатов. – И отвечай только на вопросы.

– Почему я должен вам отвечать? – вдруг осведомился Сириус.

– Потому что мы спасли тебя.

– Я вам, конечно, благодарен, но это не повод...

– И еще потому, что я сверну тебе шею куда лучше палача, – пообещал Филатов, и госпитальер укоризненно посмотрел на него, уязвленный человеческой грубостью.

– Ну что же, ваш довод не оставил меня безразличным, –

кивнул Сириус. – Спрашивайте дальше.

– Мы пришли издалека и плохо знаем вашу жизнь. Сейчас ты нам объяснишь, что тут творится.

Сириус с подозрением посмотрел на них. Потом принялся отвечать на вопросы, которые, по его мнению, по большей части были совершенно дурацкие.

– Вы хоть знаете, что земля круглая? – спросил он после очередного вопроса.

– Представляю, – кивнул разведчик.

– Это уже похвально.

Свою планету туземцы называли как-то странно – Суанта Центральная, будто железнодорожный вокзал на ретропланетах. Объяснения по поводу устройства жизни на ней были путаны и маловразумительны. В своих речах Сириус все время сбивался на нелицеприятные оценки жителей отдельных населенных пунктов и местностей в целом. Судя по всему, он действительно пространствовал немало.

Похоже, материк был не слишком густо населен – на нем проживало миллионов семь-восемь туземцев. Общественное устройство было запутанное, нечто среднее между рабовладением, феодализмом и анархией. Религий и сект было полно, но всех их объединяла вера в Великого Ненавистника, он же Проклятый Игрок, который создал этот мир как свою игрушку и теперь забавляется, делая пакости людям и ввергая их души во все новые и новые перевоплощения. Техносфера присутствует, местами примитивная, местами вы-

сокоразвитая, но какая-то хаотичная, бессистемная, странная – на эту тему Сириус говорил охотнее всего, но из его объяснений толком ничего не было понятно. В основном он впадал в раж, когда обсуждал своих коллег и конкурентов – Свободных Странников.

– Лепакс Окаянный выдал малую зуду за большой пустотник. И неразумные дети природы приняли это за чистую монету... А Лекарь Убийц, покинувший Саамаг, умудрился в прошлом году продать Могущественному из Эргарта бездействующего шебуршин! Вы представляете!

– Ближе к теме, – все время одергивал его разведчик...

Ближе к теме никак не получалось. У госпиталяера голова от трепя Сириуса начала трещать, и полученная информация укладывалась в ней с большим трудом.

– Та разбираешься в географических картах? – наконец спросил Филатов.

– Еще бы мне не разбираться в картах! – гордо объявил Сириус.

Планшет выдал голографическое изображение материка, где желтым была очерчена интересующая москвитян зона.

– Ты знаешь, что здесь? – спросил Филатов.

Сириус как-то сразу осунулся лицом. Провел рукой по голографической проекции. Технический фокус не удивил его, чего не скажешь о сфере интересов москвитян.

– Вам нужно туда?! – изумился Странник. – Вы отважны. Ваше стремление к статусу вызывает восхищение!

– А что там?

– Поля умиротворения духа Могущественнейшего Столпа.

– И что это значит?

– Могущественный Столп постигает там тайны Проклятого Игрока.

– Интересно.

– Редко кто, преступивший черту полей, смог остаться живым. Говорят о них разное, – Сириус задумчиво посмотрел на москвитян. Потом осторожно осведомился: – Смелые воины хотят уронить свои следы на траву запретных полей?

– С чего ты взял?

– Возьмите меня с собой! – глаза Сириуса загорелись бешеным фанатичным огнем. – Возьмите!

– Зачем тебе туда, откуда не возвращаются?

– Сокровищница...

– Ты решил нагреть на деньги Могущественного, – всплеснул руками Филатов. – Удивительный прохиндей.

– Деньги не при чем, – обиделся Сириус. – Старые знания.

Старые вещи.

Какая-то одержимость в нем проскользнула.

– Я давно мечтал. Один не справлюсь. Вы – сильные и смелые воины. Я – знающий Странник. Нашему союзу не будет преград.

Филатов посмотрел на своего друга. Тот старательно пы-

тался уловить состояние и настроение Сириуса, определить его искренность. Иногда такое удавалось. И удавалось уловить сигналы из будущего – правилен ли планируемый поступок. Сейчас на него снизошла уверенность, что они поступают правильно.

– Пусть идет с нами, – вынес заключение госпитальер.

Сириус расслабился.

– Надеюсь, расходы на пропитание и транспорт вы взвалите на свои могучие плечи, смелые воины, – заискивающе произнес он.

– Как получится, – насмешливо произнес разведчик.

– Конечно, у вас получится...

Этот турпоход начал изрядно надоедать Сомову. Шаг за шагом... Километр за километром... Пешком... Шаг за шагом...

– Вы взяли на себя обязательства, благородные воины... Сообщаю вам, что голод терзает мои внутренности. Те дети камышовых псов не удосужились меня покормить, – заявил Сириус еще утром, когда они готовились выйти в поход, при этом демонстративно таращась на контейнер Филатова, в котором тот тащил необходимую для путешествия технику.

– Легкий завтрак, – разведчик кивнул, вытащил пищевую пластинку и протянул Сириусу.

Тот взял. Подбросил на ладони. И обиделся:

– Вы смеетесь над утомленным и голодным Странником?

– Это энергоемкий пищезаменитель, – объяснил госпитальер.

– Заменяет две курицы, – добавил Филатов.

– Никогда не слышал о таком. Хотя видел и слышал немало, – Сириус брезгливо протянул пластинку обратно. – Это недостойно гордого звания человека.

– Как знаешь.

– Тут недалеко есть хорошая таверна. Там ослабленным дорогой путникам всегда подадут кувшин горячего вина и мясо в горшке. Нам нужно вернуться обратно на стеклянный тракт.

– И встретиться с твоими врагами, которые очухались и организовали погоню.

– Эти мокрицы не способны отползти от своего дома дальше, чем на час пути. В этом и разница между ними и свободным человеком!

– Понятно.

– Тем более там можно найти транспорт и не мерить, как проклятые, шагами этот путь.

Это уже было интереснее.

Неизвестно, что вкладывал Сириус в понятие недалеко. Видимо, для него, бродяги, тут было рукой подать. Но у Сомова уже гудели ноги. Ну почему так получается, что и на Синей Долине, и здесь приходится столько топтать?! Невыно-

симо!

Уже шестой час они тащились по стеклянной дороге. И госпитальеру вспомнилась древняя земная сказка о стране Оз. Там тоже разношерстая компания топала в Изумрудный город. Эта сказка в детстве навевала на него тоску, когда он представлял бесконечную желтую дорогу. Теперь такая же лежала перед ним.

– Кто построил ее? – спросил Филатов.

– Кто? Когда? Не знаю. Эти знания давно стерлись за ненадобностью. Но она здесь всегда. И как новенькая. Когда кто-то повреждает полотно, оно медленно зарастает, восстанавливается.

– Удивительно, – покачал головой госпитальер.

– Удивительно? – захохотал Сириус высокомерно. – Вы не видели по-настоящему удивительных вещей.

– А ты видел, мошенник? – осведомился Филатов.

Сириус не ответил, только загадочно улыбнулся.

«Цену набивает», – с раздражением подумал госпитальер.

– Что-то тут не особенно оживленно, – Филатов поднял еловую шишку, лежащую на дороге, подбросил в руке и швырнул.

– Самая окраина обитаемого мира. В лесах небезопасно. Здесь могут жить только мерзкие пауки, которые вчера хотели разделаться со мной.

– Тогда для кого таверна?

– Для охотников, приходящих с Востока.

Вперед. Метр за метром...

Госпитальер не поверил своим глазам, когда за очередным изгибом дороги увидел долгожданную таверну.

Это было унылое блочное строение с квадратными большими окнами. Рядом протянулся серебристый ангар, а также вырастали из травы несколько покосившихся деревянных сараев. За таверной две лошади пощипывали травку и на людей не обратили ровным счетом никакого внимания. В овраге шелестел ручей. Рядом была помойка с отбросами, на которой пировало ленивое, непуганое воронье. На шоссе стоял ржавый механизм, отдаленно похожий на древний гусеничный трактор.

– Пришли, – обрадовался Сириус и прибавил шаг.

– Замри, – щелкнул пальцами Филатов.

Сириус остановился и недовольно обернулся к разведчику.

– Я свободный человек, и ваш статус... – завел, было, он, но Филатов сграбастал его за шкурку и откинул назад.

– Стоять здесь. Оба...

Разведчик вытащил бластер. Увидел, что индикатор заряда опять на нуле. Тогда взял в руку мономолекулярный кинжал. И неторопливо направился к зданию таверны, ступая мягко, как кошка.

Госпитальер тоже почувствовал тут какой-то непорядок. Очень сейчас это место не походило на таверну, пусть даже и стоящую на самом отшибе и не избалованную посетителя-

ми. Где любопытные глаза, выжидательно глядящие на путников? Где кормящие во дворе птицу и скотину женщины? Где прогуливающийся вальяжно хозяин, с удовлетворением оглядывающий свое хозяйство? Таверна не должна быть такой. Она не могла быть такой. Здесь что-то не то.

Возникло ощущение, что это ловушка.

– Ты давно здесь был в последний раз? – негромко произнес Сомов.

– Не так давно, – едва слышно ответил Сириус. – Года три назад.

– Тогда здесь было так же шумно и весело?

Тут Сириус задумался и внимательно огляделся.

– Да. Как-то мертвенно... Может, обойдемся той штукавиной, которая заменяет две курицы? Мне не очень то и нужно мясо в горшке.

Но Филатов уже был на полпути к дому. Ближе он подходить не стал. Вскинул руку, и с нее сорвалось нечто похожее на муху.

Это был оперативный разведфиксатор, передающий изображение на контактобруч. Госпитальер активизировал его. Прикрыл глаза. И нарисовалось четкое изображение. Большой зал таверны... А в нем...

– Не может быть! – воскликнул госпитальер, тоже просматривающий картинку.

Ноги невольно ослабели. И по телу прокатилась противная дрожь.

– Ну что, видел? – обернулся к нему разведчик.

– Да.

– Пошли, что ли. Посмотрим.

Госпитальеру не хотелось идти туда. Но надо было. Он должен увидеть все своими глазами, а не через камеру фиксатора.

Все трое поднялись алюминиевым узким ступеням лестницы. Филатов надавил рукой на дверь, и та сразу распахнулась.

Сразу за дверью открылся большой зал с ажурными металлическими столиками, сложенным из серого кирпича просторным камином и деревянными птицами, висевшими под потолком.

Люди были здесь. Шесть человек. Вот только они ничем не нарушали гробовой тишины.

Нет, они не были мертвы. Они просто «замерзли».

Вантхолл... «Замерзшие»... Ожившие... Безумная, будто из сенсортрека ужасов, погоня...

Госпитальер встряхнул головой, отгоняя страшные воспоминания. Но все равно заноза засела в груди. И она мешала дышать.

– «Хрустальная болезнь»! – победно заорал Сириус. – А те дремучие болваны поспешили записать ее на мой счет!

– Такое бывает часто у вас? – спросил Филатов, нагибаясь над «замерзшим» и трогая его рукой.

– На моей памяти не было ни разу. Но Знания об этом у меня есть. В давние времена это случалось часто... Раньше все случалось чаще. Это были живые времена. Природа была моложе. А Проклятый Игрок еще не устал творить чудеса.

– Поэт, – буркнул Филатов, поднялся и отряхнул руку. – Ты что-то говорил о том, что отсюда можно добраться до ближайшего города.

– Да. Тут всегда имеется две машины для движения по дорогам.

– Пошли, посмотрим.

Они отправились в ангар, где хранилась техника, необходимая для ведения хозяйства. У входа там стоял перегонный куб, который служил для изготовления чистейшего самогона из почек деревьев – этим самогоном славились местные жители.

Грузовик с кабиной, тремя фарами наверху и квадратным кузовом тоже имелся. Вот только колеса его были прострелены чем-то солидным, кажется, картечью, мотор изуродован лежащей рядом кувалдой, стекла выбиты. Над машиной потрудились какой-то вандал. Он приложил все усилия, чтобы она не тронулась с места.

– Ты говорил о двух машинах, – обернулся к Страннику Филатов.

– Было две...

Дальнейшие поиски не привели ни к чему. Ржавый трактор тоже был выведен из строя.

– Что все это значит? – обернулся к Сириусу госпитальер.

– Скорее всего, замерзли не все, – произнес Филатов. – Тот, кто остался на своих ногах, бежал в ужасе, взяв вторую машину.

Он показал на относительно свежие следы протектора, ведущие к трассе.

– А зачем изуродовал технику?

– Боялся преследования.

– Кого?

– Он боялся, что «хрустальные люди» оживут и бросятся за ним, чтобы выпить его душу, – произнес Сириус каким-то отстраненным голосом. Было видно, что он в прострации.

– По поводу оживающих «хрустальных» – это тоже старинное знание?

– Надо уходить отсюда... Не надо было переступать порог. «Хрустальные люди» мстительны. Они настигают своих жертв...

– Сказки...

Филатов устроил в трактире обыск. Наскреб немножко денег, карту местности, достаточно подробную, во всяком случае куда лучшую, чем составил полуослепший комп «Гамаяна».

Карту разведчик разложил на столе и осведомился у Странника:

– Как выбираться будем?

– По дороге дальше идти не имеет смысла, – пояснил Сириус. – Мы сильно удлиним путь. Если бы была машина, – вздохнул он.

– Нет у нас машины. Ничего у нас нет, кроме настырности.

– Тогда придется идти через земли камаров. Здесь идут холмы и горы. Мы переваливаем через перевал и спускаемся в Долину Лотоса... Там живут люди. Оттуда есть сообщение с населенными районами.

– Кто такие камары?

– Никчемные грязные дикари, жестокие и непоследовательные, презирающие знания и честь... Поговаривают, склонные к человеческим жертвоприношениям. В общем, жалкие червяки.

– Ты хочешь, чтобы мы пробивались с боем? – усмехнулся Филатов.

– Нет. Нас там не подстерегает опасность. Они мои друзья. Они мне многим обязаны.

– Уже легче.

– Нас там ожидает роскошный прием! – Сириус не удержался и подмигнул Филатову. – Вам понравится.

– Пока поверим на слово... Переночуем здесь? – повернулся разведчик к госпитальеру.

Тот сидел, зябко обхватив плечи руками. И виски будто стискивали чьи-то жесткие шершавые пальцы. А в груди колом ворочалась тревога. Она нарастала. И готова была пе-

рейти в ужас, как в Вантхолле...

Госпитальер вздрогнул, как будто получил удар электрическим током. Он увидел, что «замерзший» рядом шевельнулся!

Нет, показалось...

Сомов смахнул холодный пот со лба и встряхнул головой.

– Ночевать?! Отсюда надо уходить! И побыстрее! Лучше выспаться в канаве, чем здесь!

– Твое экспертное мнение принято, – сказал Филатов. – Пошли...

Всю ночь донимали крики близкой птицы. Они напоминали вопли пьяного дебошира и действовали на нервы. И так со сном у госпиталяера были нелады, он постоянно просыпался. Ему все казалось, что к горлу тянутся чьи-то холодные пальцы.

Когда первые лучи солнца разогнали мрак, путники вышли на дорогу.

Аптечка в комбезе госпиталяера заработала, накачивая человека тонизирующими веществами. Усталость и боль в теле отступили. Но удовольствия от пешей прогулки не прибавилось.

Правда, на этот раз путь действительно оказался недалеким. Где-то через пару часов местность пошла более холмистая, они вышли на узкую тропу, петляющую меж холмов.

Потом начались скалы – красные и коричневые, острые, как зубы гигантского дракона.

И вот перед глазами предстала деревня, раскинувшаяся в каменной огромной чаше, на дне которой зеленело продолговатое озеро.

Филатов в задумчивости остановился. Деревня состояла из нескольких десятков деревянных домиков и здоровенного, трехэтажного, мятого восьмиколесного автобуса, поставленного на вечный прикол. Наверху автобус был украшен ужасающими рогами какого-то животного – скорее всего, местный тотем.

– Что в автобусе? – спросил разведчик.

– Там живут вождь и колдун, – с готовностью экскурсовода ответил Сириус. – Там же проводятся обряды очищения от страданий.

– Понятно.

– Здесь живут вшивые земледельцы и скотоводы. Они мне очень многим обязаны, – еще раз напомнил Сириус и потянул Филатова за рукав.

Тот без особой охоты последовал за ним.

На полдороге к деревне из-за валунов выскочили местные воины – здоровенные бледнокожие верзилы. Вместо волос на бритых черепах возвышались рога, похожие на рога тотемного животного, только раз в пятьдесят меньше. Видимо, они крепились каким-то клеем. У одного на носу были очки. Вооружены воины были увесистыми металлическими топо-

рами и копьями. На гостей они смотрели совершенно обалдело, будто не в силах поверить в это явление.

– Я же говорил, они будут рады, – улыбнулся Сириус.

– Ну да, – с сомнением произнес госпитальер.

Дикарь забалабонил что-то на незнакомом языке. Сириус ответил ему. Они обменялись парой слов. Потом дикарь махнул рукой, приказав следовать за собой.

– Все нормально. Они будут рады, – как заклинание повторял Сириус.

Когда пестрая компания вошла в деревню, изо всех хижин посыпались аборигены – женщины, дети, мужчины. И у всех на лице было выражение изумления и вполне искренней радости. Похоже, Сириус не врал, и его приход для местных жителей являлся настоящим праздником.

Отовсюду звучали приветственные крики. Раздавался радостный хохот.

Путники подошли к автобусу.

Дверь со скрипом отъехала в сторону. И на пороге возник дородный, пожилой, одетый в холщовую рубаху до колен, перепоясанный пластмассовым ремешком, мужчина. Как положено вождю, в племени он был самый здоровенный и звероподобный.

Изобретатель распахнул руки и широко улыбнулся.

Вождь тоже изобразил счастливую гримасу. И стал спускаться по лестнице к дорогому гостю.

– По-моему, действительно друзья, – прошептал госпита-

льер разведчику.

– Может быть...

Не доходя несколько шагов до гостя вождь выдернул из-за пояса длинный острый нож и кинулся к Сириусу.

– Думаешь, это ритуал встречи? – с сомнением спросил госпитальер.

Странник, видимо, был другого мнения. Поэтому, дико заорав, отпрянул и бросился наутек, подпрыгивая.

– Уматываем! – дернул Филатов разинувшего рот госпитальера.

Этот совет пришелся как нельзя более вовремя. Толпа бросилась на них. Мелькнули ножи, копья.

Если здраво оценивать соотношение сил, то без огнестрельного или энергетического оружия справиться с такой толпой нечего было и надеяться. И бежать некуда – встречающие обступили гостей со всех сторон, взяли в кольцо.

– Защита! – крикнул Филатов.

На ладони москвитян напоззли перчатки, а головы укрыли прозрачные шлемы.

Затем разведчик коснулся своей груди, в руку из контейнера высыпалась горсть маленьких шариков. Он швырнул их в толпу.

Гром. Молния... Светозумовые капсулы повредить людям не могли, но на несколько секунд оглушали и вгоняли в ступор. На москвитян это не подействовало – защитные костюмы погасили и звуки, и ослепительную ярость холод-

ного огня.

Воспользовавшись замешательством, разведчик схватил за руку механически переставляющего ноги и ошарашенного Сириуса, и повлек за собой, попутно сшибив, как кегли, тройку оглушенных туземцев.

Ученый многими передрыгами госпитальер устремился следом.

– Туда, – слабо загундел Сириус, кивая на тропинку между домами. – Там выход!

Они скользнули меж убогими деревянными и каменными строениями.

Сзади послышался возбужденный вопль. Толпа приходила в себя. И начала осознавать, что добыча решила откланяться.

Филатов на ходу бросил назад еще несколько шариков.

Опять оглушающих грохот. И пополз дым – люди падали, как подкошенные, это был парализующий газ.

В результате возникшего хаоса беглецы отыграли приличное расстояние.

Вот и окраина деревни. Резко вверх между булыжниками забирала узкая тропинка.

Аборигены очухались и неорганизованной толпой устремились в погоню.

Травили дичь все, начиная от опытных воинов, и кончая малыми детьми. В их ликующих криках был азарт и ожидание скорой расправы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.